

Оригинал здесь -- <http://vivovoco.rsl.ru/VV/THEME/STOP/LELU.HTM>

Публикуемая переписка хранится в личном фонде Павла Ивановича Лебедева-Полянского (1881-1948) в Архиве Российской Академии наук (до недавнего времени засекреченные описи 3 и 6, в которых содержатся дела по Главлиту). Старый большевик, ортодоксальный марксистский критик и историк литературы, он в 1918-1920 гг. возглавлял Пролеткульт, затем, после образования Политотдела Госиздата РСФСР, ведавшего в "доглавлитовский" период предварительной цензурой (и не только для книг, готовившихся Госиздатом, но для всех без исключения издательств), стал его заведующим. Вполне логично, что именно он был "брошен" на Главлит, образованный 6 июня 1922 г., и возглавлял его до 1932 г. Затем П.И. Лебедев-Полянский перешел на спокойную "академическую" работу, возглавлял Институт русской литературы (Пушкинский Дом), хотя жил не в Ленинграде, а в Москве, и занимался благословленными сверху "ревдемократами". За два года до смерти, очевидно, по совокупности заслуг перед отечественной словесностью, был сделан полным академиком.

В письмах к Луначарскому, связанных с деятельностью Лебедева-Полянского в Главлите, по стилистике скорее напоминающих отповеди, чувствуется оттенок запугивания и даже легкого шантажа. Ирония ситуации заключается здесь в том, что это - служебные письма подчиненного своему непосредственному начальнику, ибо А.В. Луначарскому как наркому просвещения подчинялся и Госиздат РСФСР и Главлит, входивший до 1936 г. в систему наркомата. В 1920-е гг. Коллегия Наркомпроса во главе с Луначарским выступала в роли "третьей стороны" в тяжбах между авторами и Главлитом. Решения последнего тогда еще можно было обжаловать в Коллегии, и порой, хотя и не очень часто, она пыталась немного утихомирить цензуру в ее запретительном рвении. Как правило. Коллегия все же старалась найти "разумный компромисс", например, освобождала книгу из-под цензурного запрета, но зато резко снижала тираж, чтобы книга не получила массового распространения. Положение Наркомпроса и его главы во взаимоотношениях с Главлитом в те относительно "вегетарианские", по словам А.А. Ахматовой, годы было весьма двусмысленным: все прекрасно знали, что последнее, окончательное слово остается все же за Главлитом, а вернее - за Агитпропом ЦК и органами ОГПУ, надежным и послушным инструментом которых и были, в сущности, цензурные инстанции. Чувствуя такую мощную поддержку и защиту, главный цензор страны "ставил на место" "прекраснодушного" и "либерального наркома".

По природе своей Луначарский был человеком добрым, об этом часто вспоминали ученые и писатели, оказавшиеся позднее в эмиграции (В.Ф. Ходасевич, Н.А. Бердяев и др.): он охотно и не глядя подписывал их заявления, ходатайства и т.д., иногда заступался за них. К нему часто обращались писатели - как к "собрату по перу" - с просьбами о защите от цензурного произвола. Но положение Луначарского было крайне межеумочное. Когда заигрывание с интеллигенцией кончилось, Луначарский был отставлен от своей высокой должности (1929).

Первое столкновение Луначарского с Лебедевым-Полянским произошло в январе 1922 г. - в связи с протестом Правления Всероссийского Союза Писателей против цензурного произвола, посланным на имя Луначарского и подписанным, в частности, высланными осенью того же года Н.А. Бердяевым и Ю.И. Айхенвальдом. Апеллируя к наркому, они приводили его же собственные слова из статьи "Свобода книги и революция", опубликованной в журнале "Печать и революция" (1921. No1):

"Человек <...>, который скажет "долой все эти предрассудки о свободе слова, нашему коммунистическому строю соответствует государственное руководство литературой, цензура есть не ужасная черта переходного времени, а нечто, присущее социализированной социалистической жизни <...>, тот покажет только, что под коммунистом у него, если немного потереть, в сущности, сидит держиморда <...>".

Протестующие писатели и ученые, умышленно и, может быть, не без тайной издевки, оборвали цитирование, а между прочим, в той же статье они, конечно, прочитали и такое:

"Цензура? Какое ужасное слово! Но для нас не менее ужасные слова: пушка, штык, тюрьма, даже государство. Все... Но мы считаем священными штыки и пушки, самые тюрьмы и наше государство как средство к разрушению и уничтожению всего этого. То же самое с цензурой. Да, мы несколько не испугались необходимости цензурировать изящную литературу, ибо под ее флагом, под ее изящной внешностью может быть внедряем яд еще наивной и темной душе огромной массы, ежедневно готовой пошатнуться и отбросить ведущую ее среди пустыни к земле обетованной руку из-за слишком